

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭЛЛИНИЗМА И РИМСКОЙ ИМПЕРИИ.

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЛИБЛИЦЕ (ЧССР), 10—13 ОКТЯБРЯ 1972 г.

10—13 октября 1972 г. в замке Либлице состоялась конференция на тему «Социальные проблемы эллинизма и Римской империи», проводившаяся кабинетом греческих, римских и латинских древностей Чехословацкой академии наук. В конференции приняли участие ученые социалистических стран. Работа конференции началась с обсуж-

дения доклада *Е. М. Штаерман* (СССР) «Некоторые итоги изучения римского рабства в советской историографии». В докладе были изложены основные результаты исследований рабства в Римской империи, в частности, вопросов об источниках рабства, о применении понятий «класс» и «сословие» к рабам, о формах классовой борьбы рабов, о месте и роли рабства в социальной структуре и истории античного мира. В прениях по докладу было отмечено большое теоретическое значение изучения римского рабства для понимания всего исторического процесса в древности.

Основная масса докладов была посвящена эллинизму*. И доклады — их было около 20 — и развернувшиеся по ним прения показали, сколь живой интерес возбуждают различные, как более общие, так и более частные аспекты эллинистической эпохи. В центре внимания, независимо от тематики тех или иных докладов, стоял по существу вопрос — что такое эллинизм и каковы должны быть методы подхода как к его изучению, так и к изложению его истории в предназначенных для студентов и широкой публики учебниках, учебных пособиях, научно-популярных работах.

Данной проблеме в целом были посвящены, в первую очередь, доклады *И. Буриан* и *Г. Крейсига*. *И. Буриан* (ЧССР) в своем докладе «Эллинизм как эпоха античного мира» начал с вопроса, можно ли три века, которые длился эллинизм, считать самостоятельной эпохой. Ответ затрудняется множественностью существующих в науке определений эллинизма, одни из которых ставят во главу угла культурные, другие — экономические феномены; одни исходят из изучения царств преемников Александра, другие привлекают и области, лишь косвенно с ними соприкасавшиеся. В последнее время вторая тенденция особенно усилилась, так что выявилось большое значение окраинных, слабо развитых стран в истории эллинизма и распространение на них влияния эллинистических институтов. Влияние распространялось на северо-запад и подготовило объединение всего Средиземноморья в мировую римскую державу, в рамках которой еще более возросла роль окраинных народов. Чем далее, тем более интенсивно среди них или хотя бы среди их высших классов распространялась эллинистическо-римская культура, синтезировавшаяся с местными культурами. Именно объединение Средиземноморья позволяет считать эллинизм особой эпохой мировой истории, вовлекшей в свое движение различные народы. Через Среднюю Азию эллинизм влиял на Дальний Восток. Он стал важным периодом в истории скифов и кельтов, процесс социально-экономического развития которых стимулировался соприкосновением с греками. То же относится к народам Северной Африки, особенно первоначально более отсталой Нумидии. Эллинизм, заключает докладчик, это всемирно-историческая динамическая эпоха расширения экономических контактов, сложных взаимосвязей, освоения новых районов, рационализации хозяйства. Связывать его только с греками или, позже, с римлянами совершенно неправомерно.

Выступавшие в прениях подчеркивали несостоятельность подхода к эллинизму с точки зрения только культурных явлений, хотя возникновение единой культуры с локальными вариантами и не вызывает сомнения. Эллинизм, сказал *П. Олива* (ЧССР), — проблема не только античности, но и мировой истории, поскольку с ней связана и проблема взаимоотношений разных уровней культурного развития, и, может быть, именно под этим углом зрения и следует рассматривать эллинизм. Возможно, возразил *Я. Печирка* (ЧССР), что мы вообще идем неправильным путем. Наши предшественники выдумали термин «эллинизм», и мы бьемся над его дефиницией. Может быть, следует идти обратным путем: спросить себя, из чего складывается история Греции, история стран Востока и др., и почему мы их объединяем, и можно ли найти оправдывающие такое объединение общие критерии?

Поставленный *Я. Печиркой* вопрос вызвал особенно оживленную дискуссию в связи с докладом *Г. Крейсига* (ГДР) об эллинистическом полисе в Греции и на Востоке. В период эллинизма, говорит докладчик, наблюдается некое видимое противоречие: кризис полиса в Греции и его распространение на Востоке. Но исследователей слишком

* Настоящие заметки не претендуют на исчерпывающее освещение работы конференции. Мы будем кратко излагать главные тезисы основных докладов и некоторых выступлений в прениях.

увлекали такие факторы, как развитие торгово-денежных отношений, греческой письменности, культуры, и они отвлеклись от таких основополагающих факторов, как формы собственности и формы присвоения прибавочного продукта. Однако именно с этой точки зрения следует подходить к эллинистическому полису. О сущности классического полиса имеются различные точки зрения. Видимо, понять его природу можно, скорее всего, противопоставив его древневосточному городу. В полисе земля принадлежала всему коллективу граждан, основными производителями были рабы, высшим органом — народное собрание, полис был автономным государством. В древневосточном городе земля, обрабатывавшаяся в основном различными группами зависимого населения, находилась в руках верхушечного слоя и царя, осуществлявшего верховную власть. К какой же из этих форм был ближе эллинистический полис? В Эгиде царская власть ограничивала строгим надзором автономию и свободу городов, ставшую фикцией. Земля номинально оставалась собственностью граждан, но фактически концентрировалась в руках наиболее богатых. Ремесленные коллегии монополизировали производство и продажу товаров, возрастало число рабов, а основная масса граждан нищала. На Востоке полисы создавались искусственно, оставались под бдительным контролем царей; земля и власть в них принадлежали тонкой эллинской и эллинизированной верхушке, продолжавшей эксплуатировать сидевших на земле работников, хотя греки и привнесли на Восток институт рабства. Восточный город полисом не становился, он лишь несколько модифицировался, сохраняя в основном свою старую природу. Эллинизм — это фаза развития Греции, определявшаяся кризисом полиса. Вместе с тем, он и фаза в истории стран Востока, поскольку в них появляются античные элементы. Однако античность в собственном смысле там не возникла. Поэтому, например, в учебниках нельзя давать восточный эллинизм как продолжение истории Греции. Конечно, невозможно разрывать историю древности, но сперва следует понять, из каких частей она состоит. Азия явно не принадлежала к античной рабовладельческой формации и базис ее общества оставался старым, несмотря на распространение культуры греков, которая к тому же была культурой элиты. Подтверждением тому служит и последующая эпоха, когда Рим создал для восточной части Империи восточный государственный аппарат, ставший затем, по мере ориентализации базиса в других частях римского мира, таким же для всей Империи. Отсюда вытекает необходимость отказаться от эллиоцентризма и тщательно выделять и изучать восточные элементы, без чего невозможно понять имевший место синтез.

С необходимостью различать типы полисов в разных областях эллинистического мира согласились все выступавшие в прениях, отмечая, однако, что докладчик, возможно, зашел слишком далеко и что возникавшие на Востоке эллинистические города по своим институтам имели больше общего с греческими полисами, чем он предполагает. Из того факта, что в состав античного мира входили части неантичные, сказал *Я. Буриан*, еще не следует, что он не был некоей целостностью. Задача состоит в том, заметил *Н. Олива*, чтобы в многообразии феноменов на различных территориях (ведь и Восток был не единообразен) найти единство, обусловившее единство культуры. *И. Ирмишер* (ГДР) подчеркнул, что хотя история эллинистического Востока и не может рассматриваться как часть истории Греции, необходимо выработать общую концепцию единого всемирно-исторического процесса. Во всемирной истории древности следует различать греческое и негреческое. Литература может называться греческой, если она грекоязычна, но к ней надо подходить дифференцированно, как подходят, например, к литературе на немецком языке, в зависимости от того, был ли писавший автор австрийцем, швейцарцем, немцем. Нельзя дробить на части эллинистическую цивилизацию, продолжавшую жить в Римской и Византийской империях, как нельзя дробить цивилизацию современной Европы, но надо показать неоднородность базисов, на которых данные цивилизации зиждились. Однако проблема — как именно писать историю культур, синтезировавшихся из множественности элементов, строившихся на различных базисах и все же составлявших некую целостность, — еще не решена и очень сложна.

Конкретному соотношению элементов культур греческой и туземной был посвящен доклад *Л. Видмана* (ЧССР) «Греческое и египетское в религии Изиды». С его точки зре-

ния, греческие и египетские начала в культах Изиды и Сераписа почти не сливались по существу при внешнем синкретизме форм. Каждый народ вкладывал в них свое содержание. В III в. до н. э. основную роль играл греческий элемент и греки разносили эти культы по разным странам, втягивали неофитов в культовые общины, посвящали в мистерии. Решающим было и влияние греческих идей на возникновение со II в. до н. э. ареталогии Изиды. Но в них прослеживаются и египетские элементы, вообще усилившиеся с этого времени. Чем дальше, тем больше Изида снова становится египетской богиней и как таковую ее восприняли римляне — особенно низшие классы, усваивавшие не официальные, а народные восточные религии.

Доклады Р. Хошека и К. Курц касались отношений эллинистического мира с племенами Балканского полуострова и иллирийскими племенами.

Эллинизация Европы, говорил Р. Хошек (ЧССР), началась задолго до походов Александра. Северные соседи Греции, в том числе и Македония, приобщались к греческой культуре. Однако базис оставался негреческим. Негреческой была и система управления — монархия и топархи на местах. Некоторые особенности социальной и политической структуры Македонии, по мнению докладчика, повлияли и на соответственные институты монархии Александра и его преемников, дожив в этих областях до римской эпохи. Так получался сложный синтез различных начал.

К. Курц (ЧССР) останавливается в своем докладе на соотношении племенных общин иллирийцев, с одной стороны, с кельтами, с другой, — с греко-римской цивилизацией, или, что то же самое, на взаимоотношениях первобытных и античных рабовладельческих обществ. Докладчик подчеркивает сложность такой задачи в связи с неоднородностью иллирийцев и кельтов и различием между элементами, привнесенными греками и римлянами. Вместе с тем, изучая эти элементы, нельзя терять из виду, что несмотря на свою гетерогенность, общества были определенными целостностями. Здесь действует диалектическое соотношение целого и части. Начинать надо с анализа отдельных элементов, в первую очередь базисных — сельского хозяйства и торговли, через посредство которой греки наиболее тесно соприкасались с туземным населением. В синтетической фазе исследования надо охарактеризовать важнейшие социально-экономические черты иллирийского и эллинистического компонентов всемирно-исторического процесса и снова рассмотреть их в связи с обуславливавшим их способом производства. Например, связать состояние греческого импорта и экспорта с кризисом полиса, развитием производства в греческих колониях и т. д. Что касается иллирийцев, то их следует изучать не суммарно, а по отдельным племенам, учитывая не только уровень их экономики, но также политическое устройство и культуру. В заключение исследования можно будет проследить эволюцию иллирийской цивилизации в целом, в связи со всем историческим процессом, а также выяснить причины, задержавшие ее развитие.

Выступавшие в прениях особенно поддержали необходимость дифференцированного изучения кельтских и иллирийских племен, из которых иные уже нельзя отнести к стадии первобытного общества. Они находились на стадии перехода к классовому обществу, причем переход этот совершался неантичным путем, что имеет чрезвычайно большое значение для анализа их связей и взаимоотношений с античным обществом.

Той же проблемы соотношения греческих и туземных элементов касался и доклад А. И. Павловской (СССР). Ее целью было на основании сопоставления данных о неохотимом и прибавочном труде разных категорий эксплуатируемых земледельцев птолемеевского Египта установить, почему привнесенные греками рабовладельческие отношения не могли вытеснить исконные для Египта формы эксплуатации. В прениях И. Буриан и Я. Печурка подчеркнули значение примененного А. И. Павловской метода для сравнительного изучения рабовладельческих и рентных отношений также и для других областей Средиземноморья, хотя, к сожалению, для большей их части такой богатой документации, как для Египта, нет.

Проблемы полиса и хоры в разные эпохи затронул Я. Печурка в докладе «Сельскохозяйственные имения в классической и эллинистической Греции». Он собрал и сопоставил данные о различных типах хозяйств — лишенных жилых зданий участках го-

родских жителей, поселках земледельцев, изолированных имениях типа хуторов. Появление последних он относит к более позднему времени в результате развития товарно-денежных отношений и более тесной связи хозяйств с рынком.

Вопросы социальной борьбы в эпоху эллинизма и ее отражение в идеологии живо интересуют работающих в этой области античников социалистических стран и им была посвящена серия докладов, открывшаяся докладом *П. Оливы* «Социальный вопрос в эллинистической Греции». Докладчик начинает с взаимоотношений между царями и полисами и порожденной ущемлением самостоятельности последних идеи противопоставления полиса космосу, гражданина полиса — гражданину мира. Особенно сильна она была у философов восточного происхождения, не связанных с полисами. Параллельно развивается и учение об общности имущества, отрицание собственности, прославление бедности, порицание богатства. Все это свидетельствует об острых социальных противоречиях, которые, в отличие от противоречий времен Солона, связанных с укреплением полиса, были знаменем упадка. Ряд восстаний во главе с провозглашавшими радикальную программу тиранами были подавлены царями и олигархией. Агис и Клеомен потерпели неудачу, так как исходили из специфических условий Спарты, и их реформы были неприменимы в других, иной структуры полисах, не поддерживавших Агиса и Клеомена. По-иному действовал Набис, поддержанный народом и других городов, но он не мог устоять в борьбе с силами направленной против него коалиции.

Вокруг доклада разгорелся спор о характере, структуре и роли Ахейского и Этолйского союзов, о специфике Спарты, отличавшей ее от других полисов, о прогрессивности или реакционности политики Клеомена и о влиянии на нее стоицизма.

Специально связи раннего стоицизма с положением дел в эллинистической Греции был посвящен доклад *Я. Янды* (ЧССР) «Некоторые этико-социальные проблемы в философии Зенона из Киттия». Докладчик собрал и сопоставил данные источников о «Политии» Зенона и подчеркнул две проблемы: относил ли Зенон свою утопию к полису, или мировому государству типа монархии Александра, и был ли космополитизм стоиков учением политическим, направленным против замкнутости полисов, или чисто этической программой объединения всех людей на базе добродетели. Мнения выступавших по докладу разделились. Одни считали, что Зенон шел от этики к политике, другие — что Зенон и стоицизм в целом (вплоть до римского), напротив, шли от политического обоснования мирового государства к этическому учению о космосе как полисе богов и людей, в котором уже не было никакой политической реальности.

Р. Мюллер (ГДР) свой доклад «Социальные основы эпикурейской философии» посвятил в основном спорному вопросу о том, настроению каких социальных слоев отвечало раннее эпикурейство. Он опровергает, как необоснованное, представление о связи эпикурейства с идеологией низших классов и доказывает, что в наибольшей степени оно соответствовало мировоззрению средних слоев эллинистической эпохи. Учение об атомах могло обосновывать противопоставление личности полису в период его кризиса и разложения гражданского коллектива. Отсюда же ориентация на индивида и маленькие группы друзей — новые связи людей, которых уже не объединял полис. Отсюда же и очень характерное отношение к богатству, вытекавшее из разделения желаний и потребностей на минимальные, необходимые и излишние. Эпикур призывал к простой, дающей независимость от внешних обстоятельств жизни, но отрицал нищенство киников. Его бедные — это не нищие, а люди скромного достатка. Метродор признавал закономерным стремление к хорошей, обеспеченной жизни и естественному богатству, противопоставлявшемуся неумеренной жажде обогащения. Вместе с тем, он советовал не слишком принимать к сердцу и потерю богатства. Все это находило отклик у средних слоев, деловых людей, положение которых было в общем непрочно. Они же сочувствовали взгляду эпикурейцев на государство; последние, с одной стороны, резко критиковали государство, но, с другой, признавали закономерность его возникновения и видели в нем необходимую основу всякой жизнедеятельности. В той же связи стоит и развитие эпикурейцами идеи Тюхе, приобретавшей тем большую популярность, чем более нестабильным и неконтролируемым становилось положение дел. В споре о том, возник ли мир по необходимости или случайно, эпикурейцы создали диалектику слу-

чайности и необходимости, воплощенную в образе Тюме: космос возник вследствие случайного соединения атомов, но, раз возникнув, подчиняется железной необходимости.

Выступавшие отметили убедительность выводов докладчика о социальной направленности эпикурейства и, в частности, о значении Тюме у всех авторов, писавших для средних слоев, которые особенно остро ощущали утрату возможности как-то влиять на общезначимые события и свою личную судьбу.

В значительной мере вопросам идеологии был посвящен и доклад *В. Ваеренка* (ЧССР) «О структуре рабских восстаний», в котором в основном делалась попытка установить истинное значение Геллополиса для участников восстания Аристоника и выявить возможное влияние их идей на сицилийских рабов.

О последнем этапе развития эллинистической мысли в ее соотношении с мировоззрением Востока трактовал доклад *И. Варцла* (ЧССР) о Плотине и его предшественниках. Докладчик сопоставлял Плотина с Оригеном, гностицизмом, христианством, политическими деятелями того времени, подчеркивая всю сложность переплетения рационализма, иррационализма, традиционализма и новых веяний в различных проявлениях мысли поздней античности, предостерегая против слишком простых решений.

Несколько особняком, но тоже в связи с тематикой конференции стояли два филологических доклада: *Х. Курцовой* (ЧССР) «Греческий язык в эпоху эллинизма» о формировании койнэ и *К. Хубки* (ЧССР) «К языку эллинистических ученых»; доклады *Я. Боувена* (ЧССР) и *М. Дуфковой* (ЧССР) об архивных материалах по раскопкам академика Салача в эллинистических Кимах и, наконец, доклад *И. Ирмшера* «Эллинизм в историческом сознании византийцев». В докладе был поставлен вопрос об отражении эпохи эллинизма в идеологии последующих веков. На материале анализа хроник, начиная с Иоанна Малалы, докладчик показывал, как хронисты, предназначавшие свои сочинения для простого народа, использовали факты из эпохи эллинизма для подкрепления своего представления о смене различных монархий как основного процесса в истории и о том, что только монархия может считаться истинным государством.

Как мы видим, на конференции был поставлен ряд весьма интересных с общеметодической и чисто исторической точки зрения проблем.

Е. М. Штаерман